Ревель.

1822—1825.

Воспоминанія.

I.

Случается въ жизни иногда услышать какое нибудь неодобрительное слово о человѣкѣ достойномъ и уважаемомъ, но этотъ часто безосновательный отзывъ быстро исчезаетъ и забывается. Но когда мы видимъ тоже самое въ печати, то онъ тревожитъ насъ, нарушая законъ справедливости и вызываетъ чувство досады. Это испыталъ я, прочитавъ въ 4-й тетради Русскаго Архива 1878 года невѣрныя сужденія Н. В. Баталина о директорѣ училищъ Эстляндской губерніи баронѣ Штакельбергѣ. Естественно мнѣ было обратить на это вниманіе: въ это время (1822—1825) я жилъ въ Ревелѣ и, занимая должность преподавателя Русскаго языка и словесности въ гимназіи, былъ въ частыхъ сношеніяхъ съ барономъ Штакельбергомъ, который вмѣстѣ съ званіемъ директора отправлялъ и должность учителя (по уставу Дерптскаго учебнаго округа) и даже не въ среднихъ или высшемъ классѣ, а именно въ V-мъ младшемъ (Ревельская гимназія, illustra, состояла изъ пяти классовъ, а въ нашихъ Великороссійскихъ гимназіяхъ, какъ извѣстно, тогда было только четыре класса). Мы нерѣдко смѣнялись уроками; я могъ вполнѣ ознакомиться съ его правилами и характеромъ; я жилъ даже рядомъ съ домомъ, въ которомъ онъ помѣщался. Но моя защита благородному имени барона Штакельберга виднѣе будетъ въ слѣдующихъ за симъ воспоминаніяхъ, въ которыхъ будетъ сказано (по изъявленному въ Р. Архивѣ желанію), какъ о результатахъ преподаванія, такъ и объ самой тогдашней обстановкѣ учебнаго дѣла въ нашихъ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Не безъ грусти разстался я съ моею родиною—Рязанью, съ Москвою и ея университетомъ (по выходѣ изъ котораго я былъ опредѣленъ на службу въ Ревель по собственному желанію) и пустился на долгихъ, въ самое половодье, въ Нѣмецкую землю. Грусть моя умѣрялась тѣмъ, что матушка моя, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, рѣшилась сопровождать меня; она прожила со мною всё время моего тамъ служенія.

Въ самый Николинъ день, 9-го Мая 1822 года, вёрстъ за десять, показались сизые, свинцовые кирхшпили Ревельскіе, а нѣсколько правѣе виднѣлся громадный четырехъ-угольный столбъ—остатокъ сгорѣвшаго древняго храма св. Олая (нынѣ возобновленнаго). Подъѣзжая къ городу, мы видѣли толпы въ праздничныхъ нарядахъ, горожанъ и горожанокъ, идущихъ и ѣдущихъ съ

гулянья изъ Екатеринентальской подгородной рощи. Мы проѣхали длинный Нарвскій форштадтъ и какъ уже смеркалось, то остановились въ концѣ, въ деревянномъ плохомъ трактирѣ, который слылъ въ народѣ, не знаю почему, Чортовымъ. Содержалъ его заѣзжій Великороссіянинъ.

На другой же день пріискали мы небольшую квартирку правѣе отъ Нарвскаго форштадта, ближе къ городу и на самомъ берегу моря, на такъ называемой тамошними жителями Косѣ (тоже за чертою города, въ родѣ небольшаго форштадта). Съ этой-то Косы пройзводится большая ловля кильки, которая даётъ хорошій заработокъ рыболовамъ и значительный доходъ Нѣмкамъ-хозяйкамъ, искусно умѣющимъ приготовлять её впрокъ: отсюда многія тысячи боченковъ и банокъ Ревельской кильки развозятся по всѣмъ угламъ Россіи. Нерѣдко любовался я на вытащенныя на берегъ лодки, переполненныя этою мелкою рыбкой и удивлялся дешевизнѣ цѣнъ: за цѣлую лодку просили рубль, много два или три, а сколько изъ нея выйдетъ боченочковъ и банокъ? Умныя и ловкія хозяйки, конечно изъ средняго класса, наживали этимъ промысломъ, какъ я слышалъ, капиталы.

Водворились мы у Русской старушки-мѣщанки, но это совсѣмъ не то, что городская Bürgerinn. Домикъ въ три окна имѣлъ всего три комнаты: двѣ заняли мы, и какъ прислуги съ нами не было, то намъ помогала помѣщавшаяся въ остальной комнаткѣ, одинокая хозяйка. Была невозмутимая тишина, также и у сосѣдей. Отъ домика ко взморью сбѣгалъ небольшой садикъ шаговъ въ двадцать, а тамъ и купанье просто съ берега, по которому разбросаны огромные камни. Конечно, это даровое купанье для невзыскательнаго класса, а нѣсколько правѣе были и тогда уже устроены Виттомъ купальни съ ваннами и теплой водой, которыми и пользовались наѣзжавшіе изъ Петербурга гости.

Противъ самаго окна нашей скромной квартирки стояла деревянная церковь св. Ѳеодора Стратилата съ высокими по бокамъ крыльцами, въ видѣ крыльевъ, какія тогда часто попадались въ нашихъ сёлахъ, а можетъ быть есть и теперь. Этотъ убогій храмъ (для губернскаго города) казался намъ лучше мраморнаго и успокоивалъ наше сердце при воспоминаніи о покинутомъ родномъ краѣ. Еще при самомъ въѣздѣ въ городъ высокіе кирхшпили древнихъ массивныхъ сооруженій пугали наше воображеніе, и мы хотя не говорили, но думали: куда мы заѣхали?

Церковь Ѳеодора Стратилата особенно успокоила матушку, которая была очень богомольна. Хотя, любя меня, она ничего не говорила, но я понималъ, какую великую жертву она сдѣлала для меня, оставивъ въ преклонныхъ лѣтахъ тёплый уголъ у своей дочери, а моей сестры, въ Спасскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи и, не зная ни слова понѣмецки, очутилась на чужбинѣ, какъ въ лѣсу. Мое же знаніе Нѣмецкаго языка, гимназическое (въ Рязанской) и университетское (въ Москвѣ), прилагалось къ практикѣ не болѣе какъ 1 къ 5. Посѣтивъ церковь и отслуживъ молебенъ, я захватилъ университетскія мои бумаги и побѣжалъ представиться моему новому начальству. Разстояніе десять минутъ. Мнѣ указали Kloster (бывшій монастырь), гдѣ помѣщалась гимназія, а съ нею рядомъ жилъ и директоръ баронъ Штакельбергъ. Онъ съ первыхъ словъ обласкалъ меня, ввёлъ въ свою канцелярію и отрекомендовалъ своему помощнику Гершельману (каковая должность была установлена въ Дерптскомъ учебномъ округѣ и какой въ нашихъ гимназіяхъ въ то время во-

все не было). Я принялъ установленную присягу и съ охотою принялся за дѣло. Товарищи по службѣ обходились со мною дружелюбно, тогда какъ я только соскочилъ съ школьной скамьи, а между ними, помнится, пятеро имѣли докторскую степень (богословія и философіи) извѣстныхъ Европейскихъ университетовъ: Геттингенскаго и др. Конечно въ разговорѣ понѣмецки съ такими людьми я былъ очень смѣшонъ, а они не знали порусски ни слова, не исключая директора и его помощника, изрѣдка перекидывавшихъ Русскія фразы и подъ бумагами, въ извѣстныхъ случаяхъ, подписывавшихъ свои фамиліи порусски. Исключеніе составлялъ докторъ и старшій учитель Купферъ: онъ говорилъ порядочно порусски и любилъ Русскій языкъ. Бывало, пригласитъ меня на прогулку по глазисамъ, окружающимъ городъ и обсаженнымъ деревьями съ хорошей тѣнью, и непремѣнно проситъ говорить съ нимъ порусски: вѣроятно, онъ извлекалъ изъ этого для себя какую нибудь пользу, а я былъ радъ спрятать мое неумѣнье выражаться правильно и несмѣхотворно.

Прекрасное время, вездѣ цвѣты, а Ревель окруженъ хорошими садами,—и тихій нашъ пріютъ начиналъ намъ нравиться. А тутъ еще нежданные сюрпризы или вниманіе, которое всегда пріятно нашему сердцу. Хотя оно и ничтожно, но и до сихъ поръ я его помню. Во всѣхъ пяти классахъ были устроены для преподающихъ каѳедры, на которыхъ неизбѣжно лежалъ класный журналъ съ двумя графами: «Lob und Tadel» (Похвала и порицаніе). Войдя въ классную комнату, я находилъ на каѳедрѣ букетъ цвѣтовъ. Сразу я не могъ понять и недоумѣвалъ «что это значитъ?» Мнѣ объяснили, что этимъ выражается усердіе учениковъ, по пословицѣ: не дорогъ подарокъ, дорога любовь. Это окрыляло мое усердіе.

Такъ тихо текла наша жизнь, и мы не думали, чтобы можно было еще къ ней что нибудь прибавить; но бѣда ходитъ не по лѣсу, а по людямъ. Нежданно, негаданно нависла надъ нами на чужбинѣ грозная туча: отъ дальней ли дороги, или и отъ лѣтъ, матушка моя сдѣлалась больна и слегла въ постель. Я совершенно потерялъ голову; страшная, неотразимая тоска налегла на сердце, и я не зналъ что дѣлать. Мысли, одна другой мрачнѣе, толпились въ головѣ моей: и зачѣмъ я выбралъ для службы такой отдаленный край, и этотъ долгій переѣздъ могъ быть для больной гибеленъ. Въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ часовъ мнѣ нужно было зайти въ канцелярію директора. Тамъ случился и самъ баронъ Штакельбергъ. Лицо мое не могло скрыть моего душевнаго смущенія. Баронъ замѣтилъ это и спросилъ о причинѣ. Я со слезами на глазахъ объяснилъ ему мое тяжелое положеніе. «Успокойтесь», сказалъ мнѣ благородный начальникъ мой, «сейчасъ я пошлю, и къ вамъ будетъ первый здѣшній докторъ г. Макдональдъ; я вполнѣ увѣренъ, что онъ поможетъ вашей матушкѣ». Только-что я воротился домой, пріѣзжаетъ г. Макдональдъ. Распросилъ, прописалъ, взялъ рецепты съ собой, и чрезъ какіе нибудь часа два аптечный служитель доставилъ намъ медикаменты. Больная, благодареніе Богу, начала поправляться, и чрезъ нѣсколько визитовъ здоровье ея возстановилось. Къ этому надобно прибавить, что Макдональдъ не только ничего не взялъ за визиты, но и медикаменты присылалъ отъ себя. Конечно, этотъ добрый человѣкъ дѣйствовалъ по мысли и наставленію моего незабвеннаго начальника; но можно ли отыскать другой подобный примѣръ, хотя бы въ наше просвѣщенное время?

Вотъ каковъ былъ баронъ Штакельбергъ, котораго извѣстный ректоръ Дерптскаго университета Эверсъ (въ разговорѣ же съ Баталинымъ, Р. Архивъ 1878 года, кн. 1-я, стр. 409) называетъ истиннымъ христіаниномъ, а учитель ничтожной элементарной Балтійскаго Порта школы—ханжею и фарисеемъ-лицемѣромъ. Тяжело мнѣ было написать эти два слова подлѣ такого свѣтлаго имени. Мнѣніе Эверса, какъ ближайшаго начальника университета, посылавшаго своихъ визитаторовъ для ревизіи учебныхъ заведеній Дерптскаго округа, мнѣніе такого лица, которому хорошо были извѣстны всѣ служившіе по учебной части, а начальники вѣроятно и лично знакомы — заслуживаетъ быть принятымъ безъ малѣйшей тѣни сомнѣнія.

Теперь буду говорить собственно о гимназіи. Ученикъ перваго (старшаго) класса, уже какъ полустудентъ, пользовался нѣкоторымъ уваженіемъ между младшими товарищами. Сколько припомнится, въ то время было въ гимназіи до трехъ сотъ учениковъ. Ни Православнаго исповѣданія, ни Римско-католическаго законоучителей при гимназіи не было, по неимѣнію учениковъ. Если и были (самое малое число) католики, то вѣроятно они заправлялись по этому предмету въ домахъ своихъ родителей.

Предметы преподаванія тѣже, что̀ и въ нашихъ гимназіяхъ съ добавленіемъ Еврейскаго языка и хороваго пѣнія. На Греческій языкъ также полагалось много уроковъ. Преподаватели главныхъ предметовъ (Oberlehrer) получали бо́льшее содержаніе, потомъ Wissenschafts-Lehrer, просто Lehrer. Ревельская гимназія сравнительно съ нашими въ то время имѣла ту особенность, что директоръ имѣлъ помощника (собственно на нёмъ лежала канцелярія и бумажная часть), а директоръ былъ вмѣстѣ и учителемъ, преподавая въ пятомъ классѣ священную исторію съ большимъ запасомъ по этому предмету хорошихъ гравюръ. Помощникъ въ классы не входилъ и до учебной части не касался. Директоръ посѣщалъ классы и, каждую субботу, просматривая лежащій на каѳедрѣ журналъ, выражалъ удовольствіе и одобреніе тѣмъ ученикамъ, которые въ теченіи недѣли записаны въ рубрикѣ «Lob», а выговоры и небольшіе штрафы объявлялъ тѣмъ, которые въ тоже время попали въ графу «Tadel». Это былъ день недѣльной расправы: ученики ждали его, одни съ радостью, другіе со страхомъ. О розгѣ не было и помину. Какъ-то всё обходилось тихо и благопристойно. Однакожъ припоминаю одинъ смѣшной случай. Какъ-то лѣтомъ, когда распустили учениковъ, на гимназическомъ дворѣ подбѣгаетъ ученикъ къ Козегартену (Oberlehrer und Doctor, маленькій человѣчекъ, глубоко учёный, но большой формалистъ) и что-то у него спрашиваетъ, конечно забывъ, какъ бы слѣдовало, снять съ головы фуражку. Козегартенъ торжественно, въ виду всѣхъ, самъ снимаетъ свою шляпу. Протестъ. Разумѣется эта картина была и оригинальна, и смѣшна. Маленькая невѣжливость мальчика, можетъ быть, и неумышленная, побѣждена указаніемъ на вѣжливость со стороны старшаго, безъ шума и крика.

Вотъ какъ начинался и оканчивался учебный день въ Ревельской гимназіи. Къ девяти часамъ утра въ готическую съ стрѣльчатыми сводами залу собирались непремѣнно каждый учебный день: директоръ, всѣ учители, имѣвшіе первый утренній урокъ и ученики всѣхъ пяти классовъ. Первые помѣщались около каѳедры на одной сторонѣ залы, а учащіеся размѣщались на скамьяхъ насупротивъ; за небольшимъ органомъ помѣщался учитель пѣнія Гагенъ. Сначала пѣли хоромъ, съ органомъ, какой нибудь стихъ изъ псалмовъ Давида,

потомъ всходилъ на каѳедру старшій учитель Закона Божія докторъ Рейнъ (впослѣдствіи генералъ-суперинтендентъ) и читалъ Молитву Господню (всѣ конечно вставали), послѣ которой еще пѣли стихъ изъ псалмовъ же и расходились по классамъ. Вообще всё выполнялось благоговѣйно и торжественно. Послѣ обычныхъ смѣнъ предметовъ преподаванія, звонокъ возвѣщалъ объ окончаніи ученья. Тутъ чтенія молитвы уже не было.

При мнѣ была лѣтомъ (1823 г.) визитація ректора Дерптскаго университета Эверса, краткая, но по обращенію этого благороднѣйшаго сановника оставшаяся для всѣхъ дорогимъ событіемъ. Ректоръ посѣтилъ всѣ классы. Я имѣлъ урокъ въ это время въ 1-мъ классѣ, старшемъ, и объяснялъ ученикамъ, съ переводомъ, образцовое слово митрополита Московскаго Платона при коронаціи императора Александра 1-го, начинающееся, какъ извѣстно, словами «и такъ сподобилъ насъ Богъ» и пр. Гость-визитаторъ прослушалъ съ четверть часа и, обратясь ко мнѣ, сказалъ понѣмецки: «я всё, что̀ теперь слышалъ, понимаю, даже не исключая старинныхъ Русскихъ письменныхъ памятниковъ; но говорить какъ-бы хотѣлось еще затрудняюсь. Вамъ много будетъ труда, но при усердіи и любви къ дѣлу можно многое сдѣлать въ ваши еще юные годы. Мы всѣми силами стараемся укрѣпить и усилить въ учебныхъ нашихъ заведеніяхъ Русскій языкъ; помогайте намъ въ томъ и особенно обращайте вниманіе на исправленіе произношенія. Намъ пріятно, что мы имѣемъ въ васъ воспитанника Московскаго университета: Московскій выговоръ самый чистый и мягкій. Желаю вамъ полнаго успѣха».

Чтобъ покончить съ гимназіей, нужно еще сказать слова два о ея старинной залѣ, въ которой происходило (1823) нѣчто особенное, не имѣвшее прямаго отношенія къ ея цѣли и значенію. Всѣми уважаемый докторъ Рейнъ, собственно самъ отъ себя или по желанію и указанію барона Штакельберга, открылъ въ гимназической залѣ поученія или лекціи для простаго и средняго класса, на которыхъ объяснялъ нравственныя и религіозныя истины. Какъ хорошій ораторъ, онъ привлёкъ массу слушателей и особенно женщинъ. Это продолжалось недѣлю или двѣ, какъ вдругъ мы узнаемъ, что, по распоряженію сверху, эти сборища приказано прекратить. Помнится, тогда говорили, что таково было распоряженіе генералъ-губернатора маркиза Паулуччи. Мнѣ ни разу не случилось быть въ этихъ собраніяхъ, а потому осталось неизвѣстнымъ для меня, что̀ подало поводъ къ ихъ закрытію.

Большая часть преподавателей жили въ домикахъ, прилегающихъ къ гимназіи. На внѣшность мало было обращаемо вниманія. О форменной одеждѣ учениковъ не было и помину. Ни директора, ни одного изъ учителей я во всё мое время не видалъ въ мундирѣ, никакихъ поздравленій заведено не было. Знакъ отличія виднѣлся только на одномъ баронѣ Штакельбергѣ—орденъ св. Владиміра 4-й степени. Содержаніе служившимъ въ гимназіи положено было, сравнительно съ внутренними гимназіями нашими, хорошее. Не помню оклада директора и его помощника, но старшій учитель получалъ до 1,800 р. въ годъ; на мою долю приходилось 1,200, тогда какъ въ это время въ нашихъ гимназіяхъ директорское жалованье было 800 р., а старшаго учителя 500. Въ добавокъ къ жалованью раздѣлялись между учителями, сообразно числу даваемыхъ уроковъ, сбираемыя Schulgeld, изъ которыхъ получалъ я сотни двѣ рублей. (Здѣсь счётъ конечно на ассигнаціи). По какому-то старинному обычаю и праву, старшіе учители получали отъ городской ратуши по бочкѣ

хлѣба въ зернѣ или деньгами по стоимости этого продукта. Директоръ получалъ при запискѣ и принятіи новаго ученика въ гимназію десять рублей, а инспекторъ уѣзднаго училища при такомъ же случаѣ—пять. Жалованье выдавалось государственными ассигнаціями, а Schulgeld чаще клубными марками. Онѣ были пергаментныя, величиною въ среднюю визитную карточку и составляли большое удобство при разсчётахъ. Приготовлялись они обыкновенно въ одинъ рубль, пятдесятъ копѣекъ и въ двадцать пять. О поддѣлкахъ или фальшивыхъ—слуховъ не было. Привезшіе насъ сюда Рязанскіе ямщики, ожидая здѣсь нѣсколько дней сѣдоковъ для обратнаго пути, много дивовались, глядя и считая эти марки; но что̀ болѣе всего ихъ восхищало—это дешевизна и добротность Ревельской водки сравнительно, какъ они говорили, съ Великороссійскою. Коснувшись этого предмета, я долженъ сказать, что во всѣ четыре года я ни разу не видалъ человѣка въ нетрезвомъ видѣ какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ. Конечно, нельзя поручиться за окраины города и форштадты, гдѣ скучено смѣшанное и разнородное населеніе.

Сохранился въ памяти моей тотъ часъ, когда приманеры или ученики старшаго класса, окончившіе курсъ ученія, прощались съ гимназіею и готовились къ отправленію въ Дерптскій университетъ. Въ залѣ собиралось всё начальство и весь учащій персоналъ и занимали мѣста около каѳедры, съ которой была произнесена краткая молитва. Приманеры, одинъ за другимъ, подходили сначала къ директору, отъ котораго принимали аттестатъ, а потомъ къ каждому изъ наставниковъ, пожатіемъ руки выражали свою благодарность и затѣмъ откланивались. Въ мое время оканчивали полный гимназическій курсъ менѣе десяти человѣкъ. Всѣ приманеры довольно хорошо говорили порусски; конечно, нельзя того же сказать о воспитанникахъ младшихъ классовъ, но и между ними были мальчики, говорившіе очень хорошо порусски. Это зависѣло отъ семействъ, въ которыхъ они жили и въ которыхъ любили говорить порусски. Я видѣлъ такія семейства, имѣя очень много частныхъ уроковъ. Старались пріискать Русскую прислугу, нянюшку для дѣтей, даже кормилицу, въ тѣхъ же видахъ знакомить дѣтей въ раннюю пору съ Русскимъ языкомъ. Конечно, нельзя сказать этого о всѣхъ семействахъ Нѣмецкихъ, но стремленіе и охота къ изученію Русскаго языка несомнѣнно были. А вотъ и особый случай. Секретарь (или въ родѣ того) ратуши, г. Клаузенъ самъ прекрасно говорилъ и писалъ порусски, но этого мало: женѣ и дѣтямъ онъ запрещалъ въ назначенные дни говорить понѣмецки, и этотъ приказъ выполнялся съ строгостію, чему я былъ многократно свидѣтелемъ, посѣщая его домъ. Клаузенъ былъ очень гостепріименъ. Веселаго характера, онъ заставлялъ дѣтей подходить ко мнѣ и говорить разныя фразы и даже цѣлыя басни, а указывая на жену, которая въ это время чѣмъ нибудь занималась, прибавлялъ: «она Чухонка, она ничего не понимаетъ», хотя она была истая Нѣмка. Удивительный человѣкъ былъ этотъ Василій Ѳедоровичъ Клаузенъ: всегда веселый, живой и безъ правой руки (отнята по локоть). Поразительно было видѣть, какъ отлично писалъ онъ лѣвою, и какъ скоро. По должности считался онъ отличнымъ чиновникомъ и всѣмъ извѣстенъ былъ своею привязанностію къ Русскимъ. Однажды, зашедши къ нему, я засталъ дѣтей за музыкальнымъ урокомъ, который давала имъ на фортепіано какая-то дѣвица. Слыша про высокую цѣну этихъ уроковъ и ограниченность средствъ Клаузена, я полюбопытствовалъ узнать, что̀ онъ платитъ за урокъ? «Двадцать пять копѣекъ» (конечно въ это время общій

счётъ былъ всё на ассигнаціи) отвѣчалъ онъ. «Нашъ городъ музыкальный, въ каждомъ домѣ найдется не одно фортепіано; дѣвицъ небогатаго состоянія, знающихъ музыку, множество, вотъ онѣ-то и даютъ эти безчисленные уроки по всему городу, а что вы удивляетесь дешевизнѣ платы, то это вотъ почему: мы, родители-сосѣди, соглашаемся (дóма четыре) соединять, у кого помѣщеніе попросторнѣе, нашихъ дѣтей вмѣстѣ для музыкальнаго урока, на который и является учительница; полагая по 25 коп. съ дома, съ четырехъ приходится рубль, что̀ и считается безобиднымъ вознагражденіемъ». Обычаемъ установлена здѣсь цѣна за урокъ вообще по обученію—рубль, тоже самое за визитъ врачу. Плата за мѣста̀ въ театрѣ была самая доступная для всѣхъ. Безрасчётливости и пословицѣ: «послѣдняя копѣйка ребромъ» здѣсь нѣтъ мѣста. Ограниченъ тутъ и произволъ набѣгающихъ фокусниковъ: выше назначенной отъ ратуши цѣны за представленія никто ничего взять не можетъ

II.

Однажды, въ воскресный лѣтній день, уже нѣсколько обжившись и осмотрѣвшись въ Ревелѣ, послѣ обѣдни я вздумалъ зайти къ директору. Мальчикъ лѣтъ 10-ти (вся внутренняя прислуга у него состояла изъ такихъ двухъ дѣтей) доложилъ о моемъ приходѣ. Я вхожу въ гостинную и не безъ удивленія вижу—на диванѣ предъ раскрытою книгою (конечно Библіей или молитвенникомъ) сидящихъ рядомъ барона Штакельберга и сторожа при Русскомъ уѣздномъ училищѣ (въ Ревелѣ было два уѣздныхъ училища: Русское и Нѣмецкое) Салемана, котораго я хорошо зналъ, потому что нѣкоторое время завѣдывалъ этимъ училищемъ и даже жилъ въ его домѣ, имѣя для услугъ по дому этого самаго Салемана. Это была молитва. О Гернгутерахъ я въ то время имѣлъ самыя тёмныя понятія и вовсе не зналъ о принадлежности къ этому согласію не только какого нибудь Салемана, но и барона Штакельберга. Впослѣдствіи, когда мнѣ объяснили поразившій меня этотъ, въ общественномъ смыслѣ, странный казусъ, я конечно уже пересталъ удивляться при встрѣчѣ съ подобными явленіями. Попавъ совершенно неожиданно въ такую минуту (о чёмъ докладывавшій мальчикъ не сказалъ ни слова), я самъ растерялся и извинился, но кроткая и благородная манера обращенія барона меня совершенно успокоила, и я, пробывъ у него съ четверть часа, раскланялся, оставивъ ихъ двоихъ продолжать свое дѣло. Послѣ, при посѣщеніи моемъ особаго Гернгутерскаго молитвеннаго дома на Нарвскомъ форштадтѣ, я обоихъ ихъ видалъ тамъ и кромѣ городскихъ жителей даже многихъ, пріѣзжавшихъ по Воскресеньямъ съ мызъ за нѣсколько десятковъ верстъ отъ города.

Еще припоминаю одинъ случай, хотя и не особенно важный, который характеризуетъ барона Штакельберга. Разъ, при посѣщеніи имъ Русскаго уѣзднаго училища, онъ нашелъ въ классѣ ученика, стоявшаго на колѣняхъ (въ гимназіи подобнаго оштрафованія не было вовсе) по распоряженію какого-то строгаго учителя; онъ обратился къ инспектору училища съ слѣдующими словами: «Желательно, чтобы не случалось этого впередъ видѣть: колѣнопреклоненное положеніе прилично только на молитвѣ». Разсказывали, за что однакожъ ручаться трудно, что Штакельбергъ, въ видахъ охраненія своего семейства отъ городскаго шума и соблазна, помѣстилъ его у какой-то своей родственницы, жившей на островѣ Эзелѣ. Дѣйствительно, во все мое служеб-

ное время онъ жилъ одинокимъ и вёлъ въ высшей степени скромную и тихую жизнь. Онъ просто и дружелюбно относился всегда и къ учащимъ, и къ ученикамъ. Въ самую жаркую пору (при окончаніи экзаменовъ), подъ его личнымъ наблюденіемъ, приманеры, готовившіеся въ университетъ, писали на заданную тему разсужденія у него на квартирѣ, но какъ? Я увидалъ ихъ всѣхъ безъ верхняго платья, въ жилетахъ просто. Мнѣ это снисхожденіе, по причинѣ невыносимаго жара, понравилось. Дѣти хорошо чувствуютъ, кто къ нимъ расположенъ, и они, замѣтно, его любили.

Выбравъ воскресный день, я былъ уже въ 9-ть часовъ утра въ Гернгутерской молитвенной храминѣ. Въ деревянномъ домѣ довольно просторная зала, уставленная по стѣнамъ скамьями, каѳедра, въ серединѣ съ потолка виситъ паникадило, точно такое какъ въ нашихъ сельскихъ церквахъ—мѣдное съ шаромъ и завитками для свѣчъ. Болѣе ничего, никакихъ изображеній, никакихъ украшеній. Только на каѳедрѣ лежала библія, да въ одномъ изъ угловъ стояло фортепіано или небольшой органъ. Я засталъ уже довольно посѣтителей, а болѣе посѣтительницъ, наѣхавшихъ съ мызъ. Это были Чухонцы по простому названію. или деликатнѣе Эстонцы. Мущины съ большими распущенными волосами и съ великимъ множествомъ пуговокъ на камзолахъ (это ихъ страсть и мода, какъ я узналъ послѣ), женщины съ бѣлымъ уборомъ на головѣ, а у нѣкоторыхъ на шеѣ были украшенія въ монетахъ, кажется наши цѣлковые, на шнуркѣ съ просверленною скважинкою. Скоро зала наполнилась безпрерывно приходящими и пріѣзжающими. Изъ круга высшаго, сравнительно съ простонародьемъ, было немного. Наступило время молитвы. Прежде всего всѣмъ обществомъ или братствомъ пропѣтъ былъ хоромъ гимнъ на Эстонскомъ языкѣ подъ фортепіано, потомъ всходитъ на каѳедру одинъ изъ пріѣхавшихъ сельскихъ Эстонцевъ, одѣтый какъ всѣ поселяне, съ распущенными и бѣлыми какъ лёнъ волосами и начинаетъ говорить или бесѣдовать всё также поэстонски. Говорилъ онъ около часу съ большимъ жаромъ, вниманіе слушателей было полное. Я, не зная ни слова поэстонски, только могъ наблюдать мимику оратора. Но что удивило меня—этотъ изъ простой среды ораторъ привёлъ всѣхъ своихъ слушателей въ слёзы. Чѣмъ объяснить это? Чтобъ вызвать у человѣка слёзы, нужны большая сила убѣжденія и даръ слова. Откуда взялись они у простаго крестьянина? Тутъ были не дѣти, а часть горожанъ, да и сельскіе подгородные жители— всѣ грамотные и уже въ нѣкоторой степени знакомые съ книгами, особенно съ тѣми, которыя относятся до религіозныхъ истинъ.

*

А вотъ и Рогервикъ или Балтійскій Портъ. Во время войны съ бородою, по указу императора Петра 1-го 1722-го и другому 1723-го года, велѣно тѣхъ бородачей, которые за небритье бородъ не въ состояніи заплатить положеннаго штрафа, отсылать въ Рогервикъ для заработанія того штрафа. Случалось также, что уже отправленные въ Сибирь раскольники были съ дороги обращаемы въ тотъ же Рогервикъ. Тутъ, на чужбинѣ, томились наши бородачи, и конечно между ихъ потомками мнѣ удалось найти рѣдкость—извѣстные бородовые знаки. У меня они срисованы въ натуральную величину. Они и въ Великороссіи попадаются рѣдко. Здѣсь отъ одного изъ сторожиловъ-раскольниковъ я слышалъ, что бородовые знаки стали рѣдкостью и потому еще, что

будто истреблены были и перелиты въ монету по повелѣнію самого Петра Великаго. Когда сдѣлались гласными требованія значительныхъ пошлинъ за ношеніе бороды и появились, среди Нѣмцевъ, съ бородами въ Ревелѣ раскольники, то заграничныя газеты сильно напали на эту мѣру и отзывались объ ней невыгодно и рѣзко. Вѣрно ли это, не знаю, но такъ мнѣ говорили, и я передаю слышанное.

Первый знакъ (1705 г.), величиною съ четвертакъ, серебряный или мѣдный, вызолоченъ. На одной сторонѣ въ бордюрѣ слова: денги взяты; подъ этою надписью изображеніе носа, усовъ и бороды; тутъ же вытисненъ въ маломъ видѣ Русскій гербъ—двуглавый орелъ. На другой сторонѣ изображеніе герба нѣсколько въ большемъ видѣ и слова: 1705 году. Въ знакѣ проверната, въ малую горошину, скважина. Я помню разсказы старожиловъ, которые говорили, что раскольники, платившіе пошлину (весьма значительную по тогдашнему времени—до ста рублей) за дозволеніе не брить бороды, носили эти значки, какъ квитанціи въ уплатѣ въ казну денегъ, на гайтанѣ (шнуркѣ) на шеѣ, подъ платьемъ. При спросѣ досмотрщиковъ: заплачена ли за бороду пошлина? они показывали свою неразлучную съ ними квитанцію.

Второй знакъ (1725 г.) мѣдный четырехугольный (величиною съ цѣлковый рубль). На одной сторонѣ надпись: сбороды пошлина взята, 1725; другая сторона не имѣетъ ничего кромѣ узорчатой каймы, но на рёбрахъ (бокахъ) вытиснены слова: борода лишьняя тягота. Этотъ послѣдній знакъ попадается рѣже, нежели первый, и я его до Ревеля нигдѣ не встрѣчалъ. Надписи и цифры—церковно-славянскія.

Отъ застрявшихъ здѣсь Петровскихъ бородовыхъ знаковъ естественный переходъ—къ его прекрасному сооруженію, Екатеринеталю, такъ въ честь его супруги названному. Это любимое гульбище отдѣляется отъ Ревеля только Нарвскимъ форштадтомъ. Дворецъ, не очень большихъ размѣровъ, въ Итальянскомъ вкусѣ, пріятенъ для глазъ. На внѣшней стѣнѣ указываютъ на два-три кирпича, нарочно оставленныхъ незаштукатуренными: они, по преданію, собственноручно заложены великимъ преобразователемъ нашимъ. Отъ дворца тянется прекрасная каштановая аллея съ вѣковыми деревьями, верхи которыхъ касаются другъ друга; она особенно привлекаетъ подъ свою тѣнь въ жаркіе лѣтніе дни. Въ саду имѣются для пріёма публики пріюты съ бутербродами, пивомъ и проч., но всё это въ самомъ скромномъ и приличномъ видѣ.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дворца стоитъ низенькій (одноэтажный) каменный домикъ, въ которомъ всего три-четыре небольшихъ комнаты. Это пріютъ, въ которомъ Петръ I-й останавливался во время своихъ сюда наѣздовъ. Всё просто, простѣе быть нельзя: кровать некрашенная, дубовая, грубой работы, одѣяло, отъ времени потерявшее свой цвѣтъ, шлафрокъ, кажется шёлковый съ большими цвѣтными разводами, подъ кроватью на виду—туфли. На стѣнѣ (довольно высоко, что указываетъ и на ростъ хозяина) прибито четверти въ двѣ или три зеркальце въ деревянной рамкѣ. Вотъ и всё убранство этого историческаго домика, который въ народѣ здѣсь и называется домикомъ Петра Великаго. Въ вешній Николинъ день, въ этотъ скромный, но замѣчательный домикъ бываетъ крестный ходъ изъ здѣшняго Преображенскаго собора, въ благодарное воспоминаніе о Государѣ, который и въ этомъ краю приложилъ много труда ко благу своего народа.

Здѣсь разсказывали мнѣ люди достовѣрные слѣдующій анекдотъ-быль о Петрѣ I-мъ. Во время своихъ по этому краю разъѣздовъ, утомился ли онъ отъ дороги, или просто хотѣлъ отдохнуть, или чѣмъ-нибудь подкрѣпить себя, только, увидавъ мызу, пожелалъ тутъ пристать и для этого послалъ своего деньщика, чтобъ онъ объяснилъ о томъ владѣльцу мызы (кажется, барону Зальцу или Зассу или что-то похожее на это). Баронъ, въ которомъ была порядочная доза спѣси, отвѣчалъ посланному деньщику: «хотя царь желаетъ этого, но мнѣ вовсе нежелательно». Выслушавъ гордый и дерзкій отвѣтъ барона, Петръ прискакалъ на мызу и въ пылу гнѣва извѣстною своею дубинкою наэлектризовалъ спину благороднаго барона. По обычаю, не переча своему нраву, Полтавскій герой расположился на мызѣ какъ хозяинъ. Послѣ отдыха, когда волненіе поутихло въ Петрѣ, а баронъ успѣлъ обдумать свой непригожій отвѣтъ, царь приказалъ позвать къ себѣ хозяина, можетъ быть извинился въ своей горячности, или просто захотѣлось ласковымъ словомъ утѣшить обиженнаго барона.—«Я уѣзжаю, сказалъ царь, но какъ пользовался вашимъ гостепріимствомъ, то желалъ бы оставить вамъ что-нибудь на память». Вѣрно, ласковыя слова эти тронули барона; въ отвѣтъ онъ сказалъ: «Государь, оставьте мнѣ вашу палку: она сохранится въ моемъ потомствѣ, какъ воспоминаніе о вашемъ справедливомъ гнѣвѣ и моей спѣси, которая, какъ и всякая гордость, есть глупость». Такимъ образомъ палка сдѣлалась знакомъ примиренія и согласія. Меня увѣряли, что нѣкоторыя особы эту палку видѣли. Чего на свѣтѣ не бываетъ?

III.

Послѣ Екатерингенталя лучшее гулянье въ имѣніи барона Розена, также подъ самымъ городомъ, съ хорошимъ садомъ и домомъ, на фронтонѣ котораго изображенъ гербъ Розеновъ—покоящійся левъ. Въ этомъ саду, подъ тѣнистыми деревьями, за разставленными столиками, проводятъ лѣтніе вечера многія сотни горожанъ, прохлаждаясь чаемъ и пивомъ, безъ роскоши, которой здѣсь вовсе не видать. Есть вблизи и домики, которые на лѣто занимаютъ городскія семейства.

Кругомъ всего города идётъ глазисъ или бульваръ, обсаженный деревьями; это мѣсто, какъ ближайшее, привлекаетъ множество гуляющихъ. Хорошо содержатся открытые для членовъ клубные сады. Довольно и частныхъ съ роскошными цвѣтниками, конечно на форштадтахъ; въ самомъ же городѣ, по старинной его скученности, кой-гдѣ на просторѣ виднѣется деревцо, на примѣръ въ Клостерѣ, близь гимназіи.

Большое удовольствіе публикѣ доставлялъ театръ, помѣщавшійся въ центрѣ города, на такъ называемой Широкой улицѣ. Нѣкогда проживалъ въ Ревелѣ Коцебу, и театръ много обязанъ ему хорошимъ своимъ устройствомъ. Кромѣ интереса представленій, театръ представлялъ собою удобство для изученія Нѣмецкаго языка, и я конечно усердно этимъ пользовался. Цѣны за мѣста были баснословно дешевыя. Вспоминаю нѣчто курьёзное: разъ, сидя въ театрѣ, я замѣтилъ двухъ пожилыхъ дамъ, хорошо одѣтыхъ, занимавшихся вязаньемъ чулокъ или чего-нибудь подобнаго, и это во время представленія. Не даромъ Нѣмки слывутъ хорошими экономками. Теперь, можетъ быть, и тамъ уже такой простоты встрѣтить нельзя; время измѣняетъ обычаи и нравы Такъ какъ въ то время въ Ревелѣ, никто, кромѣ крупныхъ богачей,

лошадей и экипажей не держалъ, а ходили пѣшкомъ, то по окончаніи въ театрѣ спектакля, представлялась вотъ какая картина: у выхода мелькали десятки огоньковъ, это пришли съ фонариками служанки, чтобъ проводить своихъ госпожъ домой. Съ десяти, одиннадцати часовъ воцарялась въ городѣ тишина невозмутимая, среди которой слышались голоса ночной стражи: «любезные граждане, пробило столько-то часовъ». Небольшая типографія рядомъ съ гимназіей (содержатель Дулло) усердно печатала Wochenblatt и театральныя афиши. Въ первомъ листкѣ помѣщались конечно насущныя извѣстія городской жизни: продажа, покупка, наёмъ квартиръ и проч. Въ театральныхъ афишахъ я самъ принималъ нѣкоторое участіе: хотя театръ былъ Нѣмецкій, но изъ уваженія къ Русской половинѣ населенія, афиши печатались съ сокращеннымъ Русскимъ переводомъ; этотъ-то переводъ я принялъ на себя и зато имѣлъ кресло gratis. Представленія были частыя, и публика любила посѣщать ихъ. Особенно въ то время часто шелъ Волшебный Стрѣлокъ съ удовлетворительною обстановкой. Въ типографіи Дулло я напечаталъ двѣ брошюры. Первая состояла изъ стиховъ «Къ веснѣ» и была процензурована здѣсь директоромъ бароном Ш. Вторая—разсужденіе «о необходимости знанія употребительнѣйшаго языка въ государствѣ», написана мною ко дню гимназическаго акта. Она одобрена къ напечатанію училищною коммиссіею императорскаго Дерптскаго университета, и отъ ректора Эверса получилъ я письмо съ выраженіемъ удовольствія и признательности за трудъ.

IV.

Образовательная часть сильно развита была въ Ревелѣ. Въ часъ роспуска изъ классовъ, бывало, улицы и переулки переполнены бѣгущими съ книжкою мальчиками и дѣвушками уже на возрастѣ съ пяльцами изъ Tochterschule. Въ этомъ послѣднемъ училищѣ было до трехъ сотъ дѣвицъ. Ritterschule помѣщалась въ мѣстности—Вышгородѣ. Учебный курсъ его былъ близокъ къ гимназическому; я преподавалъ тамъ Русскую исторію и практически занимался съ воспитанниками Русскимъ языкомъ. Директоромъ этого заведенія былъ Верманъ, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ.

Изъ двухъ уѣздныхъ въ городѣ училищъ Нѣмецкое, естественно, имѣло гораздо болѣе учениковъ, нежели Русское. Въ пансіонѣ для дѣвицъ барона Врангеля было до тридцати воспитанницъ, которыя съ охотою занимались Русскимъ языкомъ; уроки по этому предмету даваемы были мною. Частныхъ уроковъ было множество, такъ что я не могъ иныхъ и принимать на себя: въ семействахъ графа Штейнбока, Делагарди, генерала Спафарьева, генерала Левицкаго, г-жи Шевичъ, Оппермана, Берга и др. Даже два молодыхъ Эстонца (совершенно бѣдные люди) упросили меня учить ихъ порусски, конечно gratis, и постоянно ходили на мою квартиру изъ довольно удаленнаго угла пригородной мѣстности. Они были смышлены и понятливы, хотя общее понятіе объ Эстонцахъ сложилось и невыгодное. Дѣйствительно, о простотѣ ихъ и наивности ходятъ сотни забавныхъ анекдотовъ, но никто не откажетъ имъ въ добромъ нравѣ и честности. Какъ просты они и довѣрчивы, я видѣлъ самъ, отдавая деньги за купленныя дрова: продавшій беретъ деньги и не считая кладетъ ихъ въ карманъ прямо. Эта простота служитъ грубою впрочемъ потѣхой иногда для праздныхъ шалуновъ. Эстонцы имѣютъ обычай привозить въ городъ молоко въ боченкахъ, у котораго въ днѣ скважина съ деревян-

нымъ гвоздемъ, обращеннымъ къ задку телѣги. Невозмутимо впереди идетъ Эстонецъ, а гвоздь незамѣтно шаловливою рукой выхваченъ, и хозяинъ догадается о своей бѣдѣ уже тогда, когда въ боченкѣ ничего не осталось. Есть въ Эстонцахъ и съ перваго взгляда замѣчается какая-то дикость и запуганность. Деревенскіе жители (особенно женщины и дѣвицы), завидя проѣзжающихъ, прячутся и убѣгаютъ въ свои дома.

V.

Собственно въ городѣ православныхъ храмовъ два: Преображенскій соборъ и небольшая церковь во имя святителя Николая, да на форштадтахъ четыре деревянныхъ, изъ которыхъ одна именуется флотскою; здѣсь всегда стояли для караула два флотскихъ экипажа. Соборъ находится въ клостерѣ, древней постройки и, по завоеваніи города, обращенъ въ православный изъ католическаго. Иконостасъ высокій, и замѣчательно, каѳедра для проповѣдника устроена въ ряду самыхъ иконъ во второмъ или третьемъ ярусѣ. При входѣ, на правой сторонѣ, устроено небольшое мѣсто, покрытое краснымъ сукномъ со входной дверкой. Оно назначалось для императора Александра 1-го въ пріѣздъ его сюда въ 1810 году; но, по разсказу очевидца, Государь, вошедши въ храмъ во время богослуженія, изволилъ стоять вмѣстѣ съ молящимися, но не на этомъ мѣстѣ. Въ заутреню на Святой недѣлѣ я видѣлъ множество Нѣмцевъ обоего пола, съ любопытствомъ смотрѣвшихъ ня наше богослуженіе; ихъ занимали особенно освѣщеніе и сотни горящихъ свѣчей въ рукахъ присутствовавшихъ. Въ позднѣйшее время построена рядомъ съ соборомъ небольшая церковь, собственно для зимней службы. Такъ какъ мы жили подлѣ самаго собора, то отмѣчу здѣсь одинъ и забавный и вмѣстѣ грустный казусъ. Матушка моя, привыкши, когда жили мы въ Рязани, ходить къ заутрени, бывало услышитъ благовѣстъ на соборной колокольнѣ и пойдетъ въ церковь, но тотчасъ и возвращается. Почему? Да просто потому, что это былъ фальшивый благовѣстъ, ради лѣни. Это меня сильно возмущало. Конечно, это случалось не всегда и не въ большіе праздники, но бывало. Какъ, думалъ я, можно было допускать такое если не поруганіе, то во всякомъ случаѣ неуваженіе къ своей религіи, да еще на глазахъ Лютеранъ, которые твердо держали свои религіозные уставы.

Изъ лютеранскихъ храмовъ три огромные: св. Олая (въ то время разрушенный, нынѣ возобновленный), св. Николая и на Вышгородѣ. Въ библіотекѣ Олаевскаго храма хранятся драгоцѣнныя для Лютеранъ письма Меланхтона къ Лютеру во время ихъ религіозной дѣятельности. Въ Николаевскомъ любопытно было видѣть помѣщенное въ особомъ притворѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ, сохранившееся хорошо тѣло дюка Декруа, котораго исторія довольно извѣстна. Полы въ храмахъ устланы надгробными плитами съ надписями; противъ этихъ плитъ на стѣнахъ развѣшаны щиты съ гербами почившихъ рыцарей и гражданъ города. Эстонская кирка, въ которой нерѣдко былъ я, всегда переполнена молящимися, болѣе изъ деревень. Богослуженіе совершается на языкѣ Эстонскомъ. Храмы, особенно Николаевскій, снабжены большими колоколами, звукъ которыхъ, по особому способу звона, далеко раздается. Я всходилъ однажды на лютеранскую колокольню и просто былъ оглушенъ скрыпомъ всей махинаціи, которую съ большимъ трудомъ приводили въ движеніе пять сильныхъ человѣкъ до тѣхъ поръ, пока колоколъ закачался,

и языкъ его началъ свое дѣло. Способъ подобнаго звона очень затруднителенъ, но мнѣ показался звукъ колокола какъ-будто мягче и мелодичнѣе противъ обыкновеннаго принятаго у насъ способа. Въ хорошій лѣтній день, когда двери и окна открыты, церковное пѣніе, въ большомъ количествѣ молящихся и при сильномъ органѣ, далеко неслось по городу. Чтобы сохранить при богослуженіи тишину, временно часть улицы, прилежащая къ храму, загораждалась подвижными рѣшетками: такимъ образомъ не было слышно въ церкви стука экипажей. Въ мое время славился проповѣдью пасторъ Мейеръ при Олаевской киркѣ (помѣщавшейся въ залѣ, по случаю пожара). Если онъ начиналъ свое слово, то приходившіе на молитву не входили въ молитвенную залу, а выжидали нѣсколько минутъ, когда онъ кончитъ, чтобъ движеніемъ входа не нарушить тишины и не потревожить вниманія слушателей. Но и это еще не все, дошло даже до мелочей до дамскаго туалета: дамы согласились между собою отнюдь не надѣвать, идя въ церковь, шляпокъ, единственно изъ деликатнаго вниманія къ тѣмъ, которыя занимали мѣста на заднихъ скамьяхъ, чтобъ и онѣ могли безпрепятственно видѣть каѳедру и слѣдить за словомъ проповѣдника. Все это было передъ моими глазами, потому что съ первыхъ дней пріѣзда меня очень занимало лютеранское богослуженіе и вмѣстѣ съ проповѣдью давало богатый матеріалъ къ изученію Нѣмецкаго языка. Шведская церковь—на краю города, древняя, маленькая, въ которой вмѣстится нолсотни, много сотня молящихся. Убранство скудное.

Черезъ годъ или около того по моемъ пріѣздѣ, у насъ въ гимназіи случилось печальное событіе. Къ старшему учителю математики, всѣми уважаемому старцу Бараніусу, въ вакантное время пріѣхалъ, на побывку, сынъ (единственный), магистръ Дерптскаго университета, пожилъ съ родителями недѣлю-двѣ, сдѣлался нездоровъ и скоро скончался. Благочестивый Бараніусъ не перенесъ этого удара, чрезъ два дня послѣ кончины своего любимаго сына, ихъ хоронили вмѣстѣ въ полномъ присутствіи всей гимназіи. Картина поразительная, которую и теперь не могу забыть, равно и той глубокой скорби, какою терзались бѣдныя вдова и мать. При громкомъ звонѣ колокола, продолжавшемся во все время шествія печальной процессіи до кладбища, оба гроба поставлены были рядомъ въ усыпальницѣ (безъ всякихъ могилъ и зарытія въ землю). Такую усыпальницу я видѣлъ въ первый разъ: это огромная зала, вырытая въ землѣ и конечно съ кровлею, въ которой гробы усопшихъ ставятся рядами. По окончаніи грустнаго обряда, всѣ мы посѣтили домъ почившаго и его вдову. Тутъ, усѣвшись въ полномъ безмолвіи и тишинѣ, выслушали нѣсколько словъ оберъ-пастора, посвященныхъ памяти отца и сына. Эти слова, въ коротенькой брошюркѣ, были напечатаны и тутъ же намъ розданы на память. Потомъ подали по чашкѣ кофею, что и было финаломъ. Тихо, просто и прилично такому событію, когда правожаемъ въ другой міръ особъ, заслужившихъ нашу любовь и уваженіе.

Смерть и жизнь близки другъ къ другу. Скажу теперь два слова о крестинахъ по лютеранскому закону. Тутъ мнѣ привелось даже быть воспріемникомъ. Крестили сына у гимназическаго учителя Французскаго языка Дивьеня. Въ назначенный часъ мы съ воспріемницею явились въ квартирѣ Дивьеня. Черезъ двѣ-три минуты (скучное ожиданье, да поджиданье здѣсь не въ модѣ) приходитъ пасторъ съ книжкою подъ мышкою, а кистеръ его принесъ принадлежности для обряда крещенія: серебрянный кувшинъ и такой же тазикъ.

Такъ какъ мнѣ случилось видѣть подобный обрядъ въ первый разъ въ жизни, то я внимательно слѣдилъ за всѣмъ. Возложивъ на себя пасторскіе атрибуты, пасторъ началъ священнодѣйствіе молитвою; затѣмъ воспріемница, державшая младенца, наклонила его головку надъ тазикомъ, и пасторъ сдѣлалъ три возліянія изъ кувшина во имя Отца и Сына и Святаго Духа; еще молитва, потомъ коротенькое слово о значеніи святаго крещенія и долгѣ родителей воспитать и образовать дитя, и конецъ. Въ ту минуту какъ подавали намъ кофей, пасторъ раскрылъ свою книжку съ печатными на подобные случаи формами, вписалъ у кого родился и крещенъ младенецъ, также имена воспріемниковъ; подписали самъ родитель крещенаго младенца, мы съ воспріемницею и, кажется, кистеръ. Вырѣзавъ изъ книги такой-же бланковый листокъ, пасторъ вписалъ въ него тоже самое, что и въ книгѣ. Этотъ листокъ, также подписанный всѣми, онъ и вручилъ Дивьеню, какъ метрическое свидѣтельство. Просто, практично, и не предвидится въ будущемъ хлопотъ въ случаѣ передвиженія на жительство въ другія отдаленныя мѣста самихъ родителей. Аккуратность, даже въ мелочахъ, бросается въ глаза: кистеръ, когда нужно было писать, вынулъ изъ кармана чернилицу и перо. Печать къ акту и копіи съ него также были приложены. Книга хранится въ архивѣ пастората, и въ случаѣ потери выданной при крещеніи копіи, она всегда можетъ быть возобновлена по этой книгѣ.

Что еще мнѣ сказать о Ревелѣ; но кромѣ хорошаго я рѣшительно сказать ничего не могу. И такъ боюсь, чтобы меня не заподозрили въ пристрастіи. Но откуда возмется оно? Двадцатилѣтній Московскій студентъ, безъ порядочнаго знанія Нѣмецкаго языка, очутился среди другой національности, принятъ ею радушно, обласканъ и не помнитъ ни одной черты, ни по службѣ, ни въ общественномъ быту, которая бы набрасывала хотя малѣйшую тѣнь на тѣ годы, которые провелъ онъ въ средѣ ея. Слѣдовательно мысль о пристрастіи сама собою падаетъ.

Я думаю и говорю, какъ думалъ и говорилъ пятьдесятъ шесть лѣтъ назадъ: «Остзейскій край—камень самоцвѣтный въ вѣнцѣ Русскаго Царя».

Въ томъ же мѣсяцѣ, то есть въ Маѣ, въ которыя я увидѣлъ въ первый разъ Ревель, я и выѣхалъ изъ него въ 1825 году, по призыву на мою родину—въ Рязань *). Оглянувшись на убѣгавшія изъ глазъ готическія башни города, я съ благодарностью вспоминалъ объ его привѣтѣ, гостепріимствѣ и отъ искренности сердца пожелалъ ему цвѣтущей будущности.

Филиппъ Ляликовъ.

24-го Апрѣля 1878.
Москва.

*) Многоуважаемый авторъ этихъ „Воспоминаній“ служилъ долгое время инспекторомъ Рязанской гимназіи. П. Б.